

До края. Пролог

Денис Младший

2024-06-26

Contents

Глава I	1
Глава II	12
Глава III	21
Глава IV	26
Глава V	34

Глава I

«I shut my eyes and turn'd them on my heart.

As a man calls for wine before he fights,

I ask'd one draught of earlier, happier sights,

Ere fitly I could hope to play my part.

Think first, fight afterwards — the soldier's art:

One taste of the old time sets all to rights.»

Роберт Браунинг. «Чайльд-Роланд до Тёмной Башни дошёл».

Как дивный оазис, в пустыне жёлтых колосьев стоял городок, и дом там — один из многих. Провинциальные города не отличались богатством, да и бедности местные люди не знали, хотя ни у кого из светских и не повернулся бы язык назвать это хаотичное скопище низкорослых изб городом. Пекатум — так называли город — стоял на длинной реке. Здесь не проходили торговые пути, и спросом русло Чёщуйки не пользовалось.

Она ответвлялась от общей системы рек далеко на востоке и одиноко вилась на картах, словно аппендицит Кодиматриса.

Всё же Пекатум был типичным провинциальным поселением, которое, в силу особой политики империи, выживало само по себе. Фермеры трудились на обширных полях, принадлежавших только им; наги, что здесь не были скованы чьим-либо управлением, спокойно плодились и разводили скот. И изредка показывались на реке паруса, украшенные государственным гербом, армейских судов, что короткой вереницей плыли на запад и никогда — обратно.

Сотни лет здесь всё оставалось так. Одно поколение сменялось другим, король менялся на императора, шли войны, а перманентный Пекатум плыл сквозь время. Тридцать или около того лет назад, когда империя только окрепла, в маленьком городе появился новый дом — новая семья. Незаметно это, конечно, не прошло, но иностранцы быстро прижились и стали почти местными. Их фамилия была на слуху, отца уважали, мать любили, а в их детях души не чаяли. Маленький Эрик подрастал в их доме — одном из многих.

На реке в этот день, в этот знойный и, вероятно, последний такой день Теплыни, плескались полуголые мальчишки. Кто-то из них встал на камень посреди быстрины и начал артистично жестикулировать, объясняя правила игры. Другой, смуглый, подкрался сзади и сбил его со словами: «Я титан, уа-а-ар!».

— Мы играем в солдат, а не в титанов, Кевин! — крикнул кто-то, защищаясь от брызг.

Главный встал и крикнул:

— Да! Мы попали в крушение!

— А где тогда наш корабль? — возмутился смуглый.

— Попал в крушение — тебе же сказали! — пояснили ему.

— Ну, без корабля мы не можем, — упрямылся Кевин.

— Не нравится игра — иди к Эрику! — пихнул его кто-то.

Маленький блондин сидел поодаль, в тени молодой берёзы. Он потерянно уставился в чистое небо над полями, где плыла пара скромных облаков. Мальчик выглядел одиноко, как зверь, отставший от стаи, и только на лице его застыла непонятная улыбка. Какая-то заплутавшая пчела присела к нему на щёку. Эрик вздрогнул, подпрыгнул и стал отчаянно отмахиваться от врага. С облегчением вздохнув, он огляделся, будто придя в себя. Яркое солнце так его усыпляло, как и компания этих детей,

которые, благо, уже сами забыли о его существовании. Эрик, подумал, что ему надо идти — идти в тень, а с тенью у него ассоциировалось только одно место.

Он побежал от реки и взобрался к городской изгороди. Раскинув руки, он стал бегом обходить город, забежал в поле и понёсся сквозь высокие колосья. Сухая земля колола пятки, сварга щекотала руки мальчику. С востока подул освежающий ветер, стремясь захватить мальчика с собой. Эрик встал, подставив потокам воздуха лицо, и длинные золотистые волосы взволновались на ветру. Мальчик думал, как прелестен ветер, его восхищало, что всё преклоняется перед ним — и сварга, и деревья — и люди, если ураган — а высокие недостижимые облака, кажущиеся огромными небесными китами, летят, куда ветру вздумается, быстро-быстро.

Когда Эрик вошёл в город, он попал в засаду. Враг, несмотря на свои титанические размеры, смог подкрасться сзади, скрывая свою тень, и схватить Эрика. Болтаясь в воздухе, он не мог ничего сделать — только кричал, не зная спасения. Затем вражеские когти впились ему под рёбра, и Эрик захихикал. Когда он наконец-то оказался на земле, упал и начал яростно отбиваться ногами.

— Ну тихо-тихо! — улыбаясь, над ним наклонился старший брат.

— Я ещё не проиграл! — воинственно вскричал Эрик.

Он перекатился, вскочил и выкинул вперёд маленький кулачок, однако по воле брата сам же полетел вслед за ним — на землю. Сверху раздался добродушный смех. Блондин зарычал, схватил с земли случайную веточку и метнул в старшего. Тот одним движением отбил её и заговорил.

— Хватит, Эрик. Потом меня победишь.

— Я сильнее тебя! — погрозил ему малец.

— Ах, да? Тогда попробуй справиться хотя бы с одним моим пальцем!

Брат резко выкинул вперёд руку, и указательный палец заставил Эрика вновь смеяться сквозь слёзы. Закончив, старший спросил:

— Теперь всё?

Не дожидаясь ответа от Эрика, ибо тот старался вновь наполнить лёгкие, он продолжил:

— Я тебя час искал. Знаешь, зачем?

— Чтобы опять замучить!

— Нет! Ха-ха-ха! Я уезжаю сегодня.

— Уезжай куда хочешь. Я буду только рад! — хищно оскалился Эрик.

Вскинув высоко брови, старший брат внимательно посмотрел на него.

— Уверен? — спросил он и снова ткнул под рёбра.

— Ллойд! — завизжал Эрик. — Не надо!!!

— Будешь скучать по братцу? — вёл допрос старший.

— Да-а!

— Будешь плакать по нему?

— Что? А-ха-ха!

Когда пытка закончилась, отряхнувшись, оба спокойно пошли вместе.

— Куда ты едешь? — робко спросил мальчик.

— Ты уже забыл? — сделал удивлённое лицо Ллойд.

— Ну-у...

— Я наконец поеду служить, — мечтательно произнёс Ллойд.
— Я поеду к северным границам или на флот, — больше никуда не желаю. Меня ждёт слава!

— Какая Слава? — спросил Эрик.

— Дурачок! — брат приготовил палец, но малец тут же ретировался на десяток футов от него.

Они дошли до дома. Эрик не спешил заходить и остался за забором. Ллойд вопросительно посмотрел на брата. Он поманил его рукой и подсластил приглашение:

— Мама приготовила пирог, пойдём.

«Пирог» звучало очень вкусно, и Эрик сглотнул слюну, но тут же ущипнул себя за руку и уверенно помотал головой:

— Мне надо ещё кое-куда.

— А-а! Молодой донжуан, — хитро прищурился Ллойд. — Ну, иди.

— Никакой не да-жун-ан! — покраснел мальчик.

— Удачи! — усмехнулся старший и зашагал в дом.

Он умылся из колодца и продолжил свой небольшой путь. Эрик и правда мало ладил с остальными мальчишками, когда своим другом он считал только одного человека.

Мимо знакомых зданий Эрик шёл неспешно, — Ллойд сильно измотал его своими выходками. Он видел покосившийся домик скульптора и рядом с ним ещё цветущую сирень. Старик в потрёпанном сюртуке как раз вышел из своего дома. Руки его как обычно были все белые от кончиков пальцев до запястий. Мелкие крошки потерялись в бороде. Усталые глаза щурились от солнечного света и даже не сразу увидели приближающегося Эрика.

Многие избегали общения со старым скульптором. Особенно после смерти двух его сыновей все только и ждали, когда и он помрёт, чтобы урвать себе кусок от скудного наследства без хозяина. Однако Арнольд ещё выживал на какие-то гроши. Главное, чтобы никто не пришёл к нему как-нибудь ночью с топором... Видя Эрика, скульптор всегда радовался, — бедному старику было совсем не с кем разговаривать, а таким людям, как он, это было очень необходимо. Правда, Эрика часто донимали его скучные монологи об искусстве, жизни, Боге, даже рассказы о давней войне, в которой дядя Арнольд принимал непосредственное участие, которые из уст старика скручивали уши в тонкие трубочки, и, если напихать туда табака, можно было их выкурить, и не один раз, пока старик говорил — и то полезнее будет.

— Дядя Арнольд, — помахал рукой Эрик, не будучи до конца уверенным, что старик это увидит.

— А-а, Ерик! Проходи, садись-садись, — хрипло заговорил Арнольд.

— Нет, — без стеснения отказал блондин. — Мне бы только... хотел у вас попросить цветов сорвать.

— Вот как, — старик посмотрел на пышные кусты вдоль низкого забора. — Только сорвёшь ты уже не цветы.

— А что же?

— Мёртвые цветы, — прозвучало логично, однако такое резкое высказывание очень смутило Эрика.

— Ну, мне нужны цветы, — не зная, что ответить, повторил мальчик.

— Нужны, не нужны, а ты их убьёшь.

— Но я... И что? Они же всё равно неживые.

— А как же... — Арнольд нежно взял в ладонь ветвь и приподнял.
— Они растут, плодятся — почему же неживые?

— Да... — Эрик совсем запутался. Он не понимал, что говорит скульптор, и хотел только поскорее взять цветы и пойти. Он протянул руку.

Старческие глаза не сразу заметили манёвра. Арнольд только вздохнул и сказал:

— Ты поймёшь потом. Маленький ещё. Хотя, кто знает, что лучше — жить счастливо и без понятий или страдать от многого ума?

— Спасибо, дядя Арнольд! — помахал ему Эрик, сжимая в руке сирень.

Скульптор печальным взглядом проводил неопрятный букет ярких цветов и почему-то улыбнулся. «Калечить природу — это в человеке от рождения. И почему так? Может, природа сама хочет смерти?» Под аккомпанемент странных мыслей старик вернулся к работе.

А вот Эрик тем временем с нескрываемым трепетом подходил к высокому терему. Хоть он и был достоянием Пекатума, выполненный из сосновой древесины, с занавешенными окнами и практически лишённый резьбы там, где было положено, терем выглядел неприветливо. Но для Эрика роль играла не внешность, а то, что внутри — буквально. Его друг, его человек, которого он считал близким последнее время и будет считать ещё долго, жил здесь, пусть и почти незаметно для окружающих. Настоящий хозяин редко появлялся в этом доме, — только прислуга из двух человек выходила на улицу, в то время как кульминационная для Эрика личность всегда пребывала внутри. Правда, слуги недолюбливали, когда мальчик без спросу вторгался в их дом, а к переговорам были холодны. Потому он сразу решил — сегодняшний день войдёт в череду тех, что быстро могут прерваться.

Оказавшись за изгородью терема, Эрик забежал за крыльцо. Ни ушами, ни глазами он никого не заметил, а значит, можно было действовать. Взяв сирень в зубы, — ему показалось, что стебли были достаточно вкусными, — он подпрыгнул и схватился за узорчатую перегородку. Мышцы у мальчика были ещё не так велики, и ему стоило огромных сил взобраться на навес. Доски предательски затрещали, и Эрик занял неподвижную лежачую позу, стараясь дышать совсем тихо, что, к слову, получалось не так хорошо, как ему хотелось бы. Через полминуты он привстал на коленях и продолжил свой нелёгкий путь. Хватаясь за

декоративные выступы, мальчик приближался к заветному окну на третий этаж, которое было как раз открыто. Ему хватило ума не виснуть на распахнутой раме, и он, отодвинув её, прошёл по узкому карнизу. Случайно уронив взгляд вниз, Эрик ненадолго замер. Вид с третьего этажа поистине захватывал дух, а мальчик слышал, что в таких городах, как Грандерфил или Димарий, здания вообще строят по шесть-семь этажей в высоту. «Как же люди могут жить так высоко? Наверное, они заколачивают окна, чтобы не видеть ничего», — подумал Эрик. Он-таки пришёл в себя и снова открыл окно, чтобы взобраться на подоконник. Блондин встал почти во весь рост, пригнулся под оконной рамой и прыгнул в комнату, шумно приземлившись на ковёр.

Эрик стоял, как на сцене, в солнечных лучах, единственных проникающих через открытое окно. В остальном помещении обжила тень. Благо, днём можно было ещё разглядеть местный интерьер. Основным экспонатом был, конечно же, мольберт, вокруг которого как будто и собрались остальные вещи. Всё было на местах: диван, начинающий страдать от собственного возраста, шкаф, скошенный под углом крыши, и стеллажи — все в книгах, книжечках, томах и томиках. На столе рядом с кипой бумаг стояла короткая свеча, видно, горевшая всю ночь. Осмотревшись, блондин не нашёл того, кого искал. Он задумчиво почесал затылок, положил цветы на стол, а сам уселся на ковёр перед мольбертом с незаконченным рисунком и стал с интересом буравить его взглядом. Половину холста — ровно до линии горизонта, насколько мог судить о художественном ремесле Эрик — занимал свежий луг. Он был и зелёный, и золотистый одновременно, ведь на нём произрастала немеренная тьма кукурузы. Пусть художник ещё не мог считаться гением или мастером, ему удалось очень хорошо передать такими мелкими мазками форму початков. Однако верхняя часть холста была ещё не закончена. Начало было положено лишь на середине, где было изображено что-то серое, непонятное, напоминающее сухую ветку.

— Тебе делать нечего? — неожиданный возглас застал Эрика врасплох, и он вздрогнул.

Обернувшись, мальчик был вознаграждён, ибо Она была наконец здесь. От подола тёмного платья волнистые кружева тянулись, пересекая узкий пояс, до острых плеч и останавливались возле тонкой шеи. Бледное личико не могло выразить никаких известных эмоций, — стеклянный взгляд любого топил в безразличии. Она посмотрела на Эрика сверху-вниз и, не дожидаясь ответа, пошла дальше к столу. В руках она сжимала

пару твёрдых книг.

— Что это? — она заметила цветы.

— Цветы, — выйдя из ступора, пояснил мальчик.

— Цветы? Ну да. Зачем они тут?

— Это подарок мой тебе, — он расплылся в улыбке.

— Странный подарок. Они завянут через два дня.

— Ну, все дарят женщинам цветы. Что такого?

— Люди делают много странных вещей. Не стоит во всём полагаться на них, — девочка прошла к столу и уложила книги.

Эрик задумался. Он всё никак не мог увидеть логики в её словах. Но уже точно поддерживал их. Если кто другой сказал бы такое, Эрик бы посмеялся, однако слова из уст Элизы были для него абсолютно всегда правдивы.

Юная леди стояла в его окружении особняком не только из-за пола, — местные девочки, стройные, светловолосые с косами ниже спины, тоже играли у реки, хотя, в отличии от мальчиков, их игры заключались в разговорах, перешёптываниях и хихиканьях. Элиза же открыла для Эрика тягу ко всему загадочному и внеземному. Та абсолютно не походила на человека, а умом росла не по годам. Блондин никогда бы не узнал черноволосую Богиню, если бы сам с детства не сторонился большинства. Больше года назад, одним поздним вечером, он отошёл ото всех, сел на холме, откуда открывался идеальный вид на лес, чтобы понаблюдать закат. Настроение было и правда скверное. Его не волновали ни брат, ни мать, которые точно его уже ищут. Он свернулся калачиком у корней поникшей ивы и стал дожидаться, когда светило скроется за земным краем. Для жителей Кодиматриса то был по-настоящему край, — где-то там, через сотню миль начиналась лесная граница с враждебным Нортфортом.

Пока мальчик ещё не задремал, убаюканный неопишуемой картиной, его окликнул голос. Холодный и безразличный, он словно обжёг его по щекам. «Я здесь рисую, и твоё присутствие немного портит всё», — сказала тогда Элиза. Девочка с мольбертом смотрелась комично из-за контраста размеров, однако Эрик непременно послушался. Он отошёл за дерево, но Элиза была всё ещё не довольна. «Ты не понял. Неважно, слышу ли я тебя, вижу ли — ты всё разрушаешь. Уйди отсюда». Как ни странно, блондин не обиделся. Он только спросил, где живёт девочка и как её зовут, а получив холодный отказ, добавил: «Я бы хотел посмотреть, что у тебя получится». Наивные слова, не

преследующие никакой скрытой цели, всё же открыли для него дверь в мрачный терем Карвен.

— А что ты сейчас рисуешь? — показал Эрик на полупустой холст и серый «крючок» посередине.

Элиза ничего не ответила. Она ставила на полку книги, аккуратно распределяя их по свободным местам. Когда девушка вернулась, Эрик всё ещё провожал её взглядом, ожидая, что та скажет. Она недовольно глянула на предмет вопроса и еле заметно вздохнула.

— Кто знает? Я не могу сейчас сказать. На прошлом восходе это было сухое дерево. Может, на следующем превратится во что-то иное, — она достала откуда-то кусок тёмной ткани, явно намереваясь закончить этот разговор, закрыв мольберт от лишних глаз.

— Но как это может стать чем-то другим? — непонимающе прищурился Эрик.

— Вот ты живёшь и не замечаешь, как один день отличается от другого. А оно всё разное, — говорила Элиза на ходу, убирая краски. — Всё в мире неповторимо. Жалко, никто это не понимает.

— Я понимаю! — героически встрепенулся Эрик, но ответом для него стал прозрачный взгляд.

Она разобралась с красками, взяла со стола книгу и открыла на странице с закладкой. Придержав платье, она уселась и собралась уже начать что-то читать.

— Солнце на улице... Не хочешь погулять? — мечтательно спросил мальчик, облокотившись о подоконник и выглянув наружу.

— Нет.

— А что читаешь? — Эрик подтянулся и сел на окне, свесив ноги внутрь.

Юная леди подняла немигающие глаза, уставившись на человека. Одну сторону её лица осветило солнце, другая оказалась в тени. Глаза — два хрусталя над круглым носиком, как у пантеры, выглядывающей из тени кустов. Образ подчёркивали тёмные волосы вместе с чёрным платьем, скользящим по ещё только зреющим формам тела. Эрика это так поразило, что на несколько секунд для него в реальности осталось только это лицо. Природная красота на свету и загадочное сознание во тьме. «Ах, если бы она только могла

видеть! Она бы нарисовала себя, и это стало бы лучшей картиной на свете.» Её тонкие губы двинулись, и Эрик понял, что не услышал ничего.

— Что? — переспросил он.

— Историю любви, — повторила Элиза.

— А-а... да...

Блондин покраснел и отвернулся, как будто что-то заметив в окне, хотя на солнце его румянец был ещё более заметен. Невнимание со стороны девочки не стесняло его. Он всё же понимал, что ответы на его вопросы дорого стоят. Находясь рядом с ней, он будто оказывался в атмосфере высшего света, как солдат, которого просто съедает гордость, когда тот сторожит подле тронного зала. Внимание к поверхностному дыханию Элизы могло доставить удовольствие, но всё же Эрик был в том возрасте, когда усидеть на месте было просто невозможно. Блондин слез с подоконника и осторожно, поглядывая на юную леди, подкрался к книжным полкам. Эрик уже умел читать, но ему ещё долго предстояло учиться письму. В Пекатуме то было практически не реально, и только привезённые братом из города книги помогли мальчику. В тени он внимательно рассматривал корешки книг. Савьер Ву, «Роуз о Кварлафтии», Мастерита и пустой корешок. Все эти имена мало что говорили юному Эрику. Он взялся за безымянную книгу и посмотрел на обложку.

— «Исповедь неизвестного поэта»... — вслух прочитал он. Читал он негромко, но в царящей тишине уже не могло существовать чего-то тише, поэтому от Элизы его слова не ускользнули.

— Да, — она нехотя оторвалась от книги и посмотрела на блондина. — Безликий поэт. Никто не знает, кто он, откуда, но он известен уже лет сто.

Заинтересовавшись загадочной книгой, Эрик пролистал страницы и пальцем остановил ближе к концу. В тени ещё более серые страницы напоминали промёрзшую землю. Бумага была грубая и тупая по краям, по чему было видно — не один год она странствовала по рукам. Здесь иностранные буквы, слова граничили с родным языком Кодиматриса. Эрик ещё немного полистал и нашёл стихотворение, которое полностью мог понять, ну или хотя бы прочитать. Прогоняя в мыслях текст, он то и дело невольно шептал их себе под нос.

— ...Открыла истины мне часть... Плохая выпала мне масть... И только я — никто иной... Не зная слёз и счастья от того... И буду

сам себе кумир... Я музой выбрал лишь того...

Слова разносились по комнате, словно молитва. В окно подул сильный ветер, перелистывая страницы книги Элизы, подхватывая тонкие пряди волос девушки, взъерошивая шевелюру мальчика. Рама беспокойно забила об угол. Когда всё стихло, Эрик неуверенно спросил:

— Я не понимаю. Это же стихи... А в конце нет рифмы совсем.

— Да я знаю, — Элиза разочарованно отложила книгу, где уже потеряла страницу. — Я думала об этом. Это не ошибка. Это продолжение смысла стиха. Здесь стирается граница между метафорой и её формой.

Эрику не хватало сосредоточенности даже на то, чтобы спросить глуповатое «что». Сначала скульптор, теперь Элиза засыпали его пространными рассуждениями. Он старался изо всех сил, но понять не мог. Прижав страницы посередине, он сделал шаг к подруге.

— Стой. Тут же говорится... о чём? — он растерянно развёл руки.

— Ты ж... Эх... — Элиза решила не отвечать.

— Скажи, пожалуйста, я хочу знать! — упрямылся Эрик.

— Знание не всегда полезно, — отрезала подруга. — Да и ты ещё мал.

— Так почему же надо подрастать, чтобы знать? — сказал тот обиженно.

И не смотря на него, Элиза стала закрывать окно. Эрику показалось, она не в себе, ведь он только что попытался перейти границу её мира. Но он хотел её перейти. Пусть он ещё и не понимал, зачем и как, однако на уровне чувств стремился к этому. Он поднёс к глазам книгу и ещё раз перечитал пару стихов.

«И вечно петь её способен,
Пусть и мелодии, слова безумны здесь,
Один из смертных я достоин
Их осознать гротеск.»

Строки запали в душу и напрямую заговорили с ним. Он хотел обладать знанием, которым обладал безликий поэт. Эрик протянул Элизе книгу со словами:

— Вот тут. И в следующем тут говорится о крае. Какой край?

Девочка, раскрыв пошире глаза, глянула на блондина, всматриваясь в игривую искру на зелёной радужке. Рот его открылся, чтобы сказать что-то ещё. Это что-то начиналось с «Быть, как люди...», но мальчик не смог закончить. Внезапное движение и всепроникающее тепло заставило его замолчать. Он почувствовал рядом щеку Элизы и её сжатые губы на своём лице. Это было для него впервые, и он мог только подумать: «Она всё-таки не холодная». Колени задрожали, а лицо покраснело. Отступив, юная леди обвела его стеклянным взглядом. Глаза вновь ничего не выражали, словно и не было того, что случилось. Она быстро забрала у блондина книгу и поставила на полку.

— Скоро придёт служанка убираться. Уходи, — быстро сказала она.

Эрик посмотрел на неё, теперь ещё более красивую и притягательную. Сглотнув, он кивнул. Проводив его — правда только глазами — Элиза вернулась к книгам. Бледные пальцы погладили пустой корешок. «Свобода приводит к хаосу. Порядок укрощает. А любой порядок рождает мечту о свободе», — это были не её слова. И не таинственного поэта. Слова из старой книги, — вроде даже из книги сказок, как не удивительно. Сказки изнутри строят людей с детства. Это первые истории для детей, и они западают им в душу глубже всего, а те могут даже не замечать. Со сказками нужна осторожность, ведь каждая сказка — ключ, который потом не сменить. Другую дверь найти можно, но не ключ.

Глава II

Базар полнился всяким народом. Урожай был собран, и теперь всё, нажитое в Жатвень, продавали тут. Звенели монеты, шумели голоса, и ржали кони. Необходимо было урвать, что нужно, да поскорее. Во всей толпе нашёлся только один человек, что никуда не торопился. Монах в тёмной мантии не спеша обходил лавки, пропускал людей туда-сюда, извинялся, если наталкивался на кого. Возле лавки с овощами он остановился. Очередь здесь была чуть ли не больше, чем везде. С полсотни людей собралось вокруг, и каждый норовил первым забрать всё. Монаху ничего больше не оставалось делать, кроме как встать и смиренно ждать, разглядывая чистое небо. Солнце светило ярко, и жара клонила в сон. Слуга божий сел на сухое бревно, чтоб отдохнуть. Так отдыхал он долго и не заметил, как уснул. Во

сне он слышал людей, детей и нагов. Он помнил, кто-то толкнул его, что-то прошептал и ушёл. Через некоторое время — он не знал, сколько прошло — сон испарился. Людей поубавилось. Теперь он мог спокойно подойти к лавке.

— День добрый, — прошипел торговец. — Чего ж~желаете, гос~сподин?

Монах посмотрел на знакомого нага. Продавец со змеиным телом выглядел уставшим. Грязным платком он стирал с чешуи капельки пота. Раздвоенный язык чуть свисал изо рта, как у собаки.

— Благослови вас Ероп! — поздоровался монах. — Осталось что-нибудь?

— Пож~жалуй, — наг наклонился, чтобы достать из-под прилавка ящик пива.

— Я за этим и пришёл, — улыбнулся покупатель.

— А вы ж~же с~сами — нет?

— Ага. Но в этом месяце мы партию загубили. Эх... Дурно получилось, — монах погрузился.

— Тогда вам с~сколько?

— Два ящика.

— Конеш~шно. Я не виж~жу тележ~жки...

— Да ладно. Сам как-нибудь! — монах смущённо почесал затылок.

Наг кивнул и выставил на прилавок ещё ящик поверх другого. Монах рассчитался, выложив триста раг из худого мешочка. Крякнув, он взял ящики, попрощался и уже собрался уйти. Он только дошёл до следующей лавки, как услышал, что наг-продавец слишком уж громко ругается. Монах повернулся и посмотрел туда из-за башни пива.

— Ты ш~што, из ума выш~шел?! Как я тебе без денег?

Шипел он на покупателя, который сразу после монаха подошёл к нему. У прилавка стоял высокий человек в плаще. Лица его монах не видел, но видел кучерявую копну рыжих волос. Человек нависал над нагом и повелительно говорил:

— Ты слышишь — я не ел три дня! Дай мне эту кукурузу!

— Как я тебе её дам за так? Мне нуж~жны деньги!

— Да мне плевать! Давай сюда еду! — на высоких тонах отвечал ему покупатель.

Монах так же непонимающе смотрел на рыжего. Кто это такой? Шутник или сумасшедший? Он поставил пиво на землю и стал смотреть на странного человека, всё думая, что у того в голове.

— Послушай, змей, за всю свою жизнь ни за что я не платил и не собираюсь! — говорил покупатель.

— Тогда проваливай! Я эту кукурузу взростил и не собираюсь раздавать, кому попало!

— Думаешь... — тон человека стал больше угрожающим, чем злым, — ...что никто бы не смог сделать то же самое? Думаешь, большой труд — взрастить кукурузу? Я так не думаю, поэтому давай сюда.

— Эй-эй! Шшто ты несёшь? Хочешь, шштобы я позвал рейнджжеров?

— Зови. Мне нужна только кукуруза! — гордо ответил рыжий.

«О, Господи! Заблудшая душа. Что с ним не так? Сейчас его повяжут и в тюрьму», — с сожалением вздохнул монах. Он поднял ящики и пошёл, рассуждая, сколько ещё таких заблудших ходит по земле.

Церковь святого Канона стояла на краю посёлка. Самый крайний храм самого крайнего княжества. Их посёлок стоял ближе всех к границе с Кодиматрисом. Уже через версту начинался Северный лес. Часто тут можно было увидеть патрули. Несколько лет назад солдаты армии Нортфорта держали здесь оборону. Посёлок сдали, но здание сохранилось. Церковь стояла здесь уже лет пятьдесят и находилась в прекрасном состоянии. Десять рабов божьих трудились для сохранения её в целости и принимали всякого, кто хотел исповедаться, помолиться, найти правильный путь. Деон был одним из таких монахов, — он был пресвитером. Не самый старший, не самый младший, но, наверное, самый любимый. Он любил всех, и все любили его. Он не покладая рук работал каждый день: возделывал грядки, чинил крышу, водил скот в поле, варил пиво и переписывал книги. Его стремление услужить Богу было невероятно. Однажды он взял самого худого коня, что был в посёлке, и поехал за двадцать миль до города, откуда привёз дюжину книг, которую любой бы сжёг, но он бережно хранил и уже целый год переписывал в своей камерке. «Апостол книг» — называли его люди, но он скромно отрекся от этого имени.

— Здравствуй, брат Деон! — встретил монаха старик у церкви.

Старик сидел на ступенях и курил трубку, с наслаждением запрокидывая голову и пуская дымные кольца в воздух.

— Здравствуй, брат Артур, — поздоровался монах. — Ты проснулся?

— Верно. Ты долго был на базаре — что случилось?

— Ничего, — Деон засмеялся. — Просто я уснул, пока ждал очереди.

— Опять писал всю ночь? — укоризненно посмотрел Артур.

— Может, и так.

— Тебе надо больше спать, брат Деон. Ты постоянно в работе.

— Я мог бы спать, но тогда я не успею переписать книги до Морозов. А не могу же я отказывать вам в помощи! Сёстрам трудно возделывать почву, а про тебя я и не говорю.

— Хватит напоминать о моей никчёмности...

— Что ты! — возразил Деон. — Ты помогаешь нам всегда. Без тебя мы бы никак не справились! Ты был при храме ещё до меня...

— Я знаю-знаю, — перебил его Артур. — Ну, мой же косяк с пивом. Из-за меня ты, наверное, потратил все свои деньги? Прости, прости меня.

— Ничего страшного. Не думай обо мне, брат Артур!

Деон отнёс ящики в погреб. Он проспал до полудня, так что уже все встали и готовились к приходу паствы. Хоть из-за базарного дня никто не ожидал много прихожан, монахи всегда, даже в самый тёмный день, ожидали людей и нагов. Только покончив с пивом, Деон взялся за лопату и пошёл за церковь. Хотя урожай и собрали, он планировал расширить огород ещё на тридцать футов к реке. Без лишних церемоний, он начал копать. Было жарко во всём тёмном рыться в земле под солнцем, но монах не жаловался. Им стоило иметь больше земли, ибо в этом году много людей изъявили желание стать частью церкви. Новых монахов стоило кормить, а также стоило продать часть урожая, — и Артур, и Деон думали о создании пристройки для проживания монахов.

Погрузившись в работу, пресвитер совсем отключился от внешнего мира. Он механически двигал лопатой, тяжело вдыхал и выдыхал, стирал стекающий со лба пот. Он не сразу заметил, что молодая монашка дёргает его за край сутаны.

— Деон! Деон!

— Я же говорил, обращайся ко мне «брат», сестра Анна, — добродушно сказал монах.

— Да! Я только хотела сказать, что там пришёл мужчина! Он какой-то... страшный.

Деон взглянул на девочку и хмыкнул.

— Что такое? Он угрожает?

— Н-нет... — девочка отвела глаза. — Он просто кажется мне... страшным.

— Если кажется, значит, это знак божий, — пояснил Деон. — Если что-то ты не можешь объяснить, значит, то дело рук Ерора. Он хочет тебе что-то сообщить. К сожалению, не всегда верно мы, смертные, можем понять его знаки. Может, тот человек и правда «страшный», а может, ты неправильно поняла.

— Но ты-то правильно поймёшь, Деон!..

— «Брат Деон».

— ...брат Деон!

— Хорошо. Я сейчас приду, — пресвитер воткнул лопату в землю и отряхнул руки.

Когда они подошли к дверям церкви, он увидел того, с кем сейчас разговаривал Артур. Также поодаль стояли две монашки — старушка и нагайна — взявшись за руки, они боязливо смотрели на прихожанина. Деон не мог поверить своим глазам, смотря на того. «Ерор, ты снова испытываешь меня? Или его? Свёл нас снова? Говоришь, я должен с ним знаться?» — размышлял монах, подходя ближе к рыжему с рынка.

— Брат Деон! — старик был явно рад, что появилась поддержка в лице друга. — Поздоровайся с нашим гостем.

— Благослови вас Ерор, — он поклонился человеку.

Теперь он видел его лицо. Оно совсем не сочеталось с яркой рыжей шевелюрой. Лицо у него было всё худое и какое-то уставшее, будто человек этот несколько лет не спал, не ел и занимался только тем, что заменял лошадей в повозках. Во взгляде его читалась невероятная спесь, смешавшаяся с яростью и презрением, а брови так и застыли в строгой хмурости. Деон успел подметить, что человек держит в руке мешок кукурузы.

Деона он не удостоил взглядом, а продолжил незаконченный разговор с Артуром.

— Его-то я и ищу — Карла Кнуда.

При этих словах Деон ещё больше озадачился личностью пришедшего. Он уставился большими глазами на рыжего, не зная, что сказать. Артур обернулся на пресвитера, давая понять глазами, что сейчас только тот и должен говорить. «Кому же ещё? И правда», — мысленно согласился с ним Деон.

— Я знаю его, — сказал он, обращая на себя внимание рыжего. — Я Деон Кнуд — его сын.

Человек прищурился, смотря на монаха сверху-вниз. Подозрительностью от него пахло слишком сильно. Деону стало даже неловко под этим взглядом. По спине пробежали мурашки.

— Значит, ты... Проводи меня к своему... отцу, — произнёс рыжий. — Он был моим знакомым.

— Не могу, — монаху было почему-то стыдно это говорить. — Мой отец умер несколько лет назад.

— Вот как...

На лице его не отразилось ни печали, ни радости, ни даже удивления. Он всё ещё буравил Деона холодным взглядом, и, пока он молчал, никто не решался заговорить.

— Значит, все его вещи перешли к тебе, да? — спросил рыжий.

— Полагаю, да. Все... — вжав голову в плечи, ответил Деон.

— Извините, так кто вы? — подал голос Артур.

Рыжий так резко повернул голову к нему, что всем — и монахиням в том числе — показалось, что сейчас он ударит бедного старика. Артур тоже испугался и сделал шаг назад, чуть не побежав прочь от испепеляющего взгляда.

— Не всё ли равно? — процедил человек.

— Дом Господний открыт для всех, но было бы лучше, чтобы все мы знали друг друга по имени, — робко сказал Деон.

— Ну хорошо, — ко всеобщему благу злоба рыжего убавилась. — Я Клинт Хартман.

— Артур Пассер, — тихо сказал старик, хотя, похоже, рыжему было всё равно.

— Мне нужна вещь, которая была у Карла Кнуда, — повелительно сказал он Деону.

— Я бы рад вам помочь, но что за вещь? Не помню, чтобы отец говорил мне что-то такое о вас, — отвечал монах.

— Я скажу, но не здесь, — Клинт взглянул на Артура и на монашек вблизи.

Деон понял. Он вздохнул и сказал:

— Можем пройти в мою комнату.

Когда они оказались в камерке пресвитера, Клинт, не удержавшись, высказался:

— И это комната? Похоже на конуру.

— Я человек не гордый, знаете, — честно ответил монах.

Он протиснулся между столом и постелью и сел на неё. На столе у него возвышались башни толстых книг по науке, философии, сборников сочинений, а ещё в центре была раскрыта толстая летопись Кодиматриса. Из окна под потолком просачивался тонкий солнечный луч, в то время как свеча на столе не горела.

— Так что вы ищите? — спросил Деон.

— Свиток. Свиток с императорской печатью. Вот такой, — он показал размер предмета руками.

— Хм... Я... — монах задумался.

Как и он сейчас, Карл много времени уделял переписи книг, но такими маленькими текстами он не занимался. «Императорская печать? Что могло быть у отца от императора — правителя враждебной страны?»

— Я не знаю даже, — развёл руками монах. — Всё, что есть — здесь. Остальное продали. Был бы там свиток, я бы запомнил...

— «Продали»?! — Хартман в тот же момент впал в ярость. Доселе Деон не замечал, что носит рыжий под длинным плащом. Теперь он знал. Не успел он опомниться, как Клинт обнажил клинок, и лезвие упёрлось монаху в грудь. — Такую вещь ты бы не продал, святоша! Где ты его спрятал? Ты его читал?!

— Что... Я... не...

В этот момент Деон будто разучился говорить. Впервые его жизни кто-то угрожал и всё, что он мог вспомнить сейчас, так это молитву жизни, которую и говорил в уме. Но страшнее всего был не клинок у его сердца, а ужасный, дьявольский огонь в глазах

Клинта. «Этот человек — убийца! Он убьёт меня! И он настолько уверен в своём умении убивать, что не побоится бросить вызов самому Богу! Кто он такой?»

— Подумай ещё раз хорошенько, святоша. Скажи, где свиток?
— Хартман начал двигать меч, и лезвие морозом обожгло монаху подбородок. — Эй! Ты меня слышишь? Очнись, монах!

Он помахал Деону перед лицом и легко стукнул по лбу. Немного, но это помогло. Монах заговорил.

— Я без понятия, п-простите. Как отец умер, мы взяли все его вещи. П-половину отвезли в другой храм, к его сестре, ещё п-продали одежду горожанам, а д-другое всё у м-меня тут...

Клинт презрительно взглянул на него. Потом убрал клинок. Это оказалась рапира тонкой работы. Необычно, что этот странник ходил с таким неудобным оружием. Он мог бы носить револьвер или ружьё, но видно было, что к рапире у него было особое отношение. Та была вычищена, идеально заточена и в руке хозяина лежала, как влитая.

— Ты поедешь со мной, — он сунул рапиру в ножны и вышел из каморки.

— Ч-что? Постой! — шокированный таким дерзким заявлением, Деон кинулся вслед. — Я не могу! Здесь у меня всё! Мне нужно переписать книги до Морозов! Меня ждёт огород! Как я могу...

Клинт Хартман не слушал его. Он быстрым шагом поднялся по лестнице и направился к дверям наружу. Его намерениям спросить о лошади и воде не было суждено сбыться, потому что у дверей храма его уже ждали.

— Ага, вот и он!

Человек с чрезмерно широким телом — таким, что ремень еле держал на нём штаны, — в шляпе и с золотым значком был шерифом Далтоном. Шериф стоял в окружении трёх своих людей, — все с табельными тренерами наперевес. Поодаль стояли и шёпотом молились Артур, Анна и две монашки.

— Ты сукин сын! — шериф показал толстым пальцем в рыжего и состроил гневную гримасу. — Ты убил продавца за мешок кукурузы! Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

Хартман молчал. Он безучастно смотрел на шерифа, его псов и почти не дышал.

— Я к тебе обращаюсь, слышишь! — закричал шериф и взвёл курок револьвера, не доставая из кобуры.

— Ты трус.

Услышав слова рыжего, Далтон побагровел и злобно запыхтел. Остальные тоже напряглись и подняли тренера.

— А ну повтори! — вызывающе сказал шериф.

Клинт спокойно повторил:

— Ты — трус.

Он положил мешок кукурузы на ступени. Затем он стал медленно спускаться, продолжая говорить:

— Ты не только взял с собой огнестрельное оружие на бой со смертным человеком, но и привёл своих псов, — он спустился с лестницы под прицелом трёх ружей и встал. — Я не уважаю никого, но тебя — больше прочих.

— Бросай оружие на землю, сукин сын! — приказал ему Далтон. В окружении трёх верных людей он чувствовал себя в полной безопасности.

— В отличии от тебя — я не трус.

Внезапно лицо Клинта изменилось. Его глаза загорелись яростным огнём. Брови сомкнулись над яркими глазами, а во рту оскಾಲились зубы. Никто не успел заметить, как на месте рыжего в воздухе завис его плащ.

— Сукин...

Внезапно он возник прямо перед шерифом. Рука с рапирой дёрнулась, и в воздух вырвался фонтан крови. Так же стремительно он метнулся к остальным. Вокруг Клинта мелькнул блестящий клинок, и оба пса упали замертво. Третий успел выстрелить, но мимо, — Клинт отклонил ствол тренера эфесом. Затем лезвие пронзило его грудь, и тут же рыжий вырвал его наружу. За две секунды прервались четыре жизни.

Клинт выдохнул, будто всё это время не дышал. Он резко смахнул с рапиры кровь и вернул в ножны. Теперь все видели на нём блестящую броню — доспех, — грудной и на правой руке. Перед ними стоял не кто иной, как один из благородных рыцарей Нортфорта, один из столетнего ордена, верный и справедливый эквит короля.

Глава III

В серый прохладный день, когда однако солнце пробивалось ещё сквозь тучи, по дороге из города цокал копытами Черногривый. Ведя коня не быстро, юноша верхом, находясь явно в хорошем расположении духа, во все глаза разглядывал поля. Ветер гулял, топтал пшеницу, развевал одежды крестьян. Облака бежали по небу далеко за горизонт, чтобы там стать великой грозой. Навстречу всаднику двигалось овечье стадо, подгоняемое немолодым человеком. Поравнявшись с ним, пастух приподнял шляпу:

— Здравово, Эрик!

— Привет! — юноша улыбнулся.

— Что, в городе был?

— Да, был.

— Ну как там? — спросил пастух, останавливая стадо.

— Хорошо, только здесь лучше!

— Правда! — пастух засмеялся. — Чего ездил?

— Да купить кое-что, — глаза Эрика подозрительно ушли в сторону.

— Ну ладно, удачи.

Они распрощались. Юноша же спустился в деревню. Когда конь подошёл к дому, Эрик спешил, подвёл его к коновязи. Черногривый недовольно посмотрел на хозяина, но всё-таки дал себя привязать. Из дома появилась мать с чем-то в руках.

— Эрик, ты?

— Я.

— Ты что же, уже вернулся? Как неудачно, — старушка подошла ближе.

— Ну что такое? — устало посмотрел на неё юноша.

— Да вот! — она помахала перед его лицом.

Эрик выхватил то, что она держала, — это было письмо. Он вопросительно посмотрел на мать, не собираясь тратить время на прочтение.

— Ллойд возвращается! Вот как раз письмо пришло, — он обещает сегодня днём.

— Да? Неплохо. Ну я пойду, — Эрик развернулся, вернув матери письмо.

Она с удивлением посмотрела ему в спину. Добрые глаза с трудом изобразили строгость.

— Куда собрался? К нему брат приехал, а он...

— А что я? Ну приехал, ну и хорошо, — холодно ответил он.

— Брата встретить! Хотя бы на дороге.

— Да-да, посмотрим...

Эрик поспешно отошёл от коновязи и направился к дороге. Старушка что-то кричала вслед, но он не слушал. Занятый мыслями он не обращал внимания, куда идет, и так чуть не угодил в глубокую лужу. Он окунул в неё носок и тут же поспешно отряхнул. Дотошно оглядев его, он протёр туфлю об островок сухой травы. Не удостоив лужу и плохим словом, он пошёл дальше. Через минуту он стоял уже у знакомого места, почти родного дома в три этажа. За эти лета он совсем не изменился. Засохший розарий вызывал в нём тёплые чувства ностальгии. Воспоминания о запахе цветов, беснующихся пчёлах напоминали только о Ней. Эрик поднялся на крыльцо. Сердце его билось часто. Когда он поднёс руку к колокольчику, заметил, как прыгают его пальцы. Он опустил её. Глубоко вдохнул, выдохнул. Позвонил. Ужасное ожидание, которое он ненавидел, которое он хотел растягивать как можно дольше, которое знаменовало скорую кульминацию, к которой он наконец решил подступить. Тяжесть времени он ощущал сейчас без всяких часов. Жёлтый лист, упавший с клёна, падал дольше всей его жизни. Лист летел вниз, медленно поворачиваясь в воздухе. Его форма мешала ровному падению, — он спускался по лавирующей спирали, и нельзя было понять куда упадёт он, и упадёт ли вообще.

Шаги быстро достигли двери, и щёлкнул ключ. Появилась тонкая щель между дверью и косяком. В неё заглянул стеклянный чёрный глаз. Эрик не мог рассмотреть точно, но хозяйка дома была непривычна в своей внешности. На тело было накинуто точно не тёмное платье — вроде зелёный халат, скорее всего, отца. Лицо менее бледное, чем обычно, даже вспотевшее. Распушенные волосы водопадом спадали на плечи.

— Извини, Эрик, я не могу. Отец скоро будет... — поспешно сказал уставший голос. Дверь начала закрываться.

— Пстой! — рукой Эрик схватился за ручку. — Я пришёл не просто так, — сердце его билось, как никогда. Он понимал, что

он не мог отступить сейчас.

— Приходи потом, — с той стороны женщина надавила на дверь с новой силой.

— Лиза! Постой! Я должен, я обязан...

Внезапно громкий шум и ругань из-за угла дома прервали Эрика. Даже Элиза остановила свои потуги в отношении двери. Вопрос недолго читался в глазах юноши. Решив, что ответ он может легко получить, он спрыгнул с крыльца и подбежал к краю дома. В траве у угла Эрик встретился взглядом с до боли знакомым, не сказать, что ненавистным, не сказать, что симпатичным, вороватым лицом смазливового сына местного шерифа, Декстера Принсона.

— Ты! Что ты там делал? — удивился Эрик, смотря на распахнутое окно. На гвозде в раме повис кусок штанов, которые единственные были надеты на Декстера.

— Привет, блондинчик! А я тут, это... — Декстер неловко поднялся. Его кудри были тоже всклокочены. Он со страхом смотрел на юношу перед ним, припоминая брата Эрика, —...иду с речки!

Эрик посмотрел на его глупую улыбку. Он думал недолго и быстро понял всю ситуацию, однако смеяться над иронией совпадения желания не было. Желание было только одно. На красивое лицо Декстера обрушился кулак. Он даже не покачнулся. Чуть отвернул голову, ойкнул.

— Я не могу такого терпеть! — закричал на него Эрик.

— Так, я... Кхм... — Декстер посерьёзней. — Пойми, братец, всё так устроено. Если она...

Но Эрик не дал ему договорить. Глаза светились яростью. Сжав кулак сильнее, он произнёс:

— Через полчаса. Берёза у реки. Я убью тебя! На дуэли!

Юноша развернулся. Тяжёлые шаги сотрясали землю. Он вышел со двора, провожаемый взглядом из щели. Элиза с интересом наблюдала сцену, но это быстро ей наскучило, как только всё скатилось в банальное смертоубийство. «Эрик был когда-то умнее. Хотя я сама его заткнула... пять лет назад». Она закрыла дверь и повернула ключ.

Чуть в шоке, Декстер, ещё сидя на земле по пояс голый, провёл ладонью по щеке.

— Ой-ёй, — только и сказал он.

На реке было относительно тихо. Журчала вода, шумел в ветвях берёзы ветер. У её корней сидел не кто иной как Эрик. Кипевшая в нём злоба никак не испарялась, — накапливалась только с большей силой. Он был так зол, что ничего более для него не существовало. Он даже не волновался. Рука его была тверда, а мысли прямы. Несколько минут назад он был дома. Он не заметил мать, не обратил внимания на её причитания о Ллойде. О брате он тоже позабыл. В доме он поднялся на чердак, чтобы взять кое-что из вещей Ллойда, и сразу отправился сюда. «Если этот трус не придёт, Я к нему приду!» — думал он. Но Декстер должен был прийти. Тот всегда заботился о репутации, и стать трусом в глазах окружающих было для него недопустимо. Он точно бы пришёл. К тому же Эрика он считал за сопляка, а не ответить на вызов сопляка было для его недалёких мозгов наихудшим унижением.

В руках Эрик крутил, перебирал, рассматривал то, что привёз из города. Его он купил за восемь сотен раг. Его он должен был подарить Элизе. Прекрасное ожерелье из серебра, с голубыми камнями. Сейчас, как тогда, он представлял, как бы оно идеально подошло Элизе: на её тонкой шее поверх чёрного платья. Прекрасное сочетание. Он не винил Элизу в случившемся. Он не винил Декстера. Винил только себя за своё ничтожество. Если же он не смог за столько лет стать для неё чем-то большим, чем другом, не достоин он дарить ей это ожерелье. А это ожерелье недостойно её. Он замахнулся и кинул украшение в реку. Бурные потоки у самых камней проглотили серебро, забрали с собой навсегда, сделали безделушку на дне бесполезной и недоступной для всех.

Эрик потёр намокшие глаза. Он ещё и плачет. Посмотрите на него — пресмыкающаяся тварь, которая ни на что не способна. Сейчас он докажет себе, что всё же способен. Правая рука упала в траву и сразу ощутила холодный металл. Брат уже семь лет служил в армии. В первый год он ещё ходил с ним — Кольт-Уолкер, старая модель знаменитого револьвера. Таким десятки лет назад воевали солдаты против Нортфорта. Таким убивали бесчисленное множество людей. Творили хаос. Вершили судьбы. Инструмент, созданный абсолютно точно для убийства. Взяв его, Эрик мог сказать — он силён. Но, как говорится: «Боги создали людей сильными и слабыми. Господин Кольт сделал их равными». Сейчас у реки, с оружием в руках будут стоять два человека. И оба в одинаковой мере будут способны оборвать жизнь другого.

Перед чередой домов появился Декстер. Тот как-то привёл себя

в порядок. Он даже причесался, надел какой-то поношенный пиджак. На поясе у него висел револьвер неважного вида, — видно, дядин. Ходили слухи, что дядя его был убит во время карательных операций где-то под Шивом. Вместе с медалями и телом семье передали пистолет. Похоже, судьба свела их двоих в этот серый день, ибо скорее всего только у них во всей деревне и было рабочее оружие.

— Эрик, — Декстер подошёл к берёзе на расстояние в десять шагов. Руку положил на револьвер. — Прости меня. Но кто сказал, что она кому-то принадлежит? Мы же не собираемся...

— Заткнись.

Эрик поднялся, вытянулся ровно.

— Я не виню тебя. Не проси прощения.

В глазах Декстера появилась надежда. Он решил, что Эрик наконец образумился, что отступился. Он боялся вот так принимать участие в пальбе. Раньше он считал это глупыми сказками из книг. Два ковбоя встают друг напротив друга, презрительно смотрят в глаза, и тот, у кого сердце твёрже, первым стреляет. Однако взяв в руки револьвер и встав напротив такого же обладателя оружия, он понял — это страшно. Главное, чтобы это понятие оказалось взаимным.

— Мы будем стреляться, Декстер, — и сердце у него сжалось. — Ты правильно остановился, только отойди на два шага вправо. Я тоже отойду назад.

Сказав это, Эрик развернулся, не боясь пули в спину, и сделал десять шагов от берёзы. На лице Декстера отразилось гримаса великого отчаяния, как у мышонка, что встал в мышеловку и теперь наблюдает, как пружина опускает рамку.

— Постой, подумай! Мы же взрослые люди, — закричал он вслед дуэлянту. — Что это такое? Какая дуэль? Мы не можем решить всё так?! Без глупых убийств, как глупые... рыцари.

Эрик развернулся. Он уже стоял на месте, сжимая рукоять револьвера у бедра.

— Не можем, — загробным голосом, сказал он. — Я способен на что-то. Я готов умереть или убить. Тут одно из двух, — он сунул пистолет в кобуру. — Приготовься.

«Вот блин, он сошёл с ума! — решил Декстер. — Если я побегу, он меня пристрелит! Надо было его пристрелить в спину. Твою мать!»

Эрик стоял, как статуя. Ветер снова налетел. Поднял его длинные золотистые волосы. Он забрал их в хвост, и теперь только пара волосков развевалась перед лицом. Заглянув в его глаза, Декстер содрогнулся. Такого взгляда он нигде не видел. Душа Эрика наполнилась решимостью, которой Декстер даже... завидовал. Он был сейчас так прям в своих мыслях и словах. Если бы человек был таким всю жизнь, свернул бы горы. Но то лишь короткое помешательство. К чему приведёт оно молодого человека?

«Господь Ероп, если я умру, прошу, пусть я умру быстро», — в мыслях пролепетал Декстер. Он сглотнул. Рука чуть-чуть дрожала. Он судорожно повторял в голове ход действий, чтоб не забыть. Двинуть руку, схватить рукоять, указательным пальцем надавить спуск, двинуть руку, схватить рукоять, указательным пальцем...

Эрик не думал. Как мог он думать, как мог задуматься хоть на секунду? Мысли — помеха. Отбросить мысли. Оставить только чувства. Пусть сердце ведёт его вперёд. Он помнил лицо Элизы — лицо, которого он недостойн. А если его он недостойн, достоин ли он жизни? Что может быть важнее этого? Ну полно.

Эрик рванул руку. Кольт оказался в ладони. На мушке теперь темнела фигурка Декстера. Он убьёт его сейчас. Докажет себе, что он... что он слаб. Выбирает смерть, вместо искупления. Рука его обмякла. Он не может? «Спроси лучше, нужно ли?» — услышал голос Лизы он. «Нужно ли...»

Секундой ошеломлённый Декстер понял — он медлит. «Я жив! Я буду жить!» В страхе он схватил пистолет и выстрелил. Громкий хлопок разнёсся по полю. «Я умер?» — теряя равновесие, Эрик увидел небеса — серые, беспросветные. И где-то со стороны реки показалась высокая фигура. Она что-то кричала и ругалась.

— Брат!..

Глава IV

Стоящий при входе в церковь Деон видел это. Хотя он сам больше поверил бы, что он заснул второй раз. То, что сейчас произошло, было невероятно. Он поднёс руку с кольцом-глазом к лицу и произнёс: «Deçs Erop, řeliŋqm zę æx iř fatçs'd õmatçŋ [Господин Ероп, оставь это на совесть судьбы]». Клинт Хартман стоял над телами рейнджеров и безразлично смотрел на

лужи крови, растекающиеся по траве. Он подошёл сначала к Далтону, вытащил у того из кобуры револьвер. Очень странно он взял пистолет — вверх ногами и пальцами за барабан — и, открыв его, перевернул. Все патроны с тихим звоном посыпались на землю. С такой же целью он переломил все ружья. Наблюдая этот необычный ритуал, начитанный Деон стал вспоминать — рыцари презируют огнестрельное оружие. Им запрещено его брать, пользоваться им и тем более убивать из него. И сейчас, перестраховываясь, Клинт разряжал всё, что могло стать причиной нарушения табу.

Рыцарь, накинув обратно свой плащ, поднялся по ступеням к ошарашенному монаху. Не замечая его состояния, смотря куда-то совсем в другую сторону, Клинт спросил:

— Здесь есть кони?

Деон боязливо посторонился рыцаря. Его вид, его лицо, рукоять его рапиры, выглядывающая из-под плаща — всё напоминало о жестокости этого человека. Монах был уверен, это — посланник Дьявола. Рыцари — в книгах то были благородные воины. Он даже восхищался их смелостью, их отвагой, но сейчас, вероятно, впервые усомнился в священных текстах.

— Ты меня слышишь, святоша, твою мать? — крикнул на него Клинт.

— Я? Д-да...

— Где лошадь? Мы едем сейчас.

— В-вы... — Деон собрал всю силу духа в кулак. — Вы убили всех этих людей. Если вы не боитесь закона, побойтесь Бога! Что вы натворили? Вы, видимо, убили не только невинного нага, — сколько ещё людей вы убили? Вы грешны!..

— Ты тупой что ли, святоша? — нахмурился Клинт. — Где лошадь?!

«И что я могу сделать? — думал Деон. — Что противопоставить грубой, глупой силе? Возможно, он просто однажды столкнулся с испытанием Бога и не справился. Его боль, — он заставляет других чувствовать её, чтобы не страдать самому. Не зря Ероп свёл меня с ним дважды! То вызов! Я должен исправить это, спасти его душу! Его грехи — их можно искупить, я знаю! Это воля Божья!»

— Лошади в стойле, господин Хартман, — неожиданно твёрдо сказал Деон.

— Правда что ли? — Клинт раздражённо сложил руки на груди.
— Где стойло, умник?

Деон проводил его в стойло. Когда они вдвоём проходили мимо остальных, монах посмотрел на старика прощальным взглядом. «Я бы взял с собой все эти книги, но повозки у меня нет. Уеду я на неделю или больше, — рассуждал он. — Я скоро вернусь, Артур, Анна. Обещаю». Он аккуратно переступал трупы, стараясь не смотреть вниз и не думать, что там. Чувствовал себя он ужасно. Отдав в стойле коня Клинту на проверку, он помолился Ероу, и на сердце стало легче.

Рыцарь приказал монаху сесть на любую лошадь. Его тона нельзя было ослушаться, хоть Деон и не собирался. Он не решался даже попросить Хартмана позволить взять ему свои вещи. Тот сказал монаху только одно:

— Ты теперь мой пёс, хоть и без поводка. Мне нужна вещь твоего отца, и ты пока залог за неё. Помни — убью, если что не так.

Затем он пришпорил коня и поехал. Монаху ничего не оставалось, как последовать за ним. Так он неожиданно пустился в неизвестно насколько длительное путешествие. Он и раньше покидал посёлок, ездил в город и к сестре отца тоже. Он сказал рыцарю, в какую сторону ехать, но тот, поняв, где это, выбрал свой, короткий путь. Деону он совершенно не нравился, ибо проходил маршрут по голым полям, касаясь всего одного-двух поселений. «Может быть, он и привык так путешествовать, — положусь на него», — наивно решил Деон.

Разглядывая грандиозные пейзажи, монах не упускал возможности поглядеть на рыцаря. В седле он держался, как истинный эквит — прямо и уверенно. С собой, как успел заметить монах, он нёс только рапиру, дорожный мешок незначительных размеров и ту самую кукурузу. Одежда его выглядела поношена, и ещё при близком контакте был легко уловим запах немытого тела.

«Нортфорт славится своим рыцарским орденом, но я, так получилось, ни разу ни одного рыцаря не видел. Оно и не мудрено — посёлок наш чуть ли не самый крайний. И что такое было у моего отца, что теперь преследует этот Хартман?» Всё же, хоть он этого и не признавал пока, Деона больше волновала загадка не свитка императора, а загадка этого бродяги. Что сделало его таким? И неужели все рыцари такие — жестокие, хладнокровные? Есть ли у него хоть какие-то понятия? Исключая рыцарские, конечно.

Однако за всю дорогу Деон не решился, не нашёл причины заговорить с мрачным рыцарем. Они молча пересекали луга. На горизонте иногда вставали столбы дыма соседних деревень. Монах всё время ёжился от ветра, ударявшего им то в спину, то в лицо. За несколько часов он совсем окоченел, — не чувствовал не только седла, но теперь уже и времени. Впервые он воочию наблюдал, как солнце движется. Видел, как оно потихоньку покидало зенит и сближалось с земным краем. И к вечеру внезапно для монаха Клинт остановился у реки под шатром ивы.

— Мы ночуем здесь, — он спешился и сразу направился в кустарник.

Уставший от всего Деон стал согрывать затёкшее тело: пара наклонов, повороты, покрутил руками. Желудок его издал голодный всхлип, и Деон решил пока удовлетворить его речной водой. В реке здесь резвились бледные мальки, поглубже — большеглазые рыбёшки. Что было привлекательного в них? Монах, смотря на рыб, на иву, на траву чувствовал нечто прекрасное во всём этом. Возможно, потому что это было творение Бога, не извращённое, не присвоенное человеком. Самое натуральное, что есть в этом мире. И во всём этом была жизнь, но была ли душа?

«Есть ли жизнь и душа неразрывно связанные вещи? — рассуждал Деон, лёжа возле костра. Клинт вернулся не только с ветками для костра, но и с холодной тушкой селяка, который сейчас нежился в огне. — Кто-то признаёт душу только в человеке, кто-то видит её во всём вокруг. Ероп даровал душу только нам или и диким тварям тоже? Мы убиваем, едим их, не думая об этом. И они тоже. Может, у них свои понятия, и они, как и мы, думают: “У этих двуногих нет души, а у нас есть”. Интересно. А что растения? Они растут, они плодятся, возможно, даже общаются, но не так, как остальные».

Монах так думал и не замечал, как шепчет собственные слова себе под нос. Клинт всё это слышал и, переверачивая селяка, решил сказать.

— Нет, ни растения, ни животные, ни мы души не имеем, — внезапно ответил он монаху.

— Что? — Деон удивлённо посмотрел на него.

— Душу выдумали люди, дабы придать себе свойство, отличающее их от остальных. Мы просто умнее, но не более. Мы так же стремимся выживать и продолжать род.

— Человек способен творить, — заметил монах.

— Всего лишь очередная стадия развития мозга. Идеала нам не достичь.

— А кто же его достиг? Видно, Бог...

— Как будто Бога не мы же придумали, — хмыкнул рыцарь.

— Не мы — наши предки узнали о нём. Их мудрость, их достоинство позволили им...

— Откуда ты знаешь? — поднял голову Клинт.

— Моё ремесло — книги. В книгах мудрость народов, история и истина.

— Ты веришь каждой книге? Каждой книге, которую писали разные люди? У каждого своя мудрость, своя история, своя истина. Истина важна только собственная.

— Но это же бред, — возмутился монах. — Если каждый будет жить по-своему, будет хаос!

— А разве хаос — не есть идеал? Как-то раз я встретил удивительного человека. Он единственный, кого я хоть немного уважаю, помимо себя. Он сказал мне, что мир родился из хаоса, что мир должен быть хаосом, что мир стремится к хаосу. Мне нравится ход его мыслей, хоть мне и не важна судьба мира.

— Человек?

— Да, — Клинт посмотрел на Деона, а монах на него. В его глазах Деон видел неподдельный восторг, когда рыцарь говорил о Человеке. — Не знаю, что прошёл этот человек, не знаю, что его сделало таким. Я встретил его одного в чистом поле. Он, оказывается, искал меня. Риверланд огромен, и всё же он нашёл. Я хотел убить его, но не смог. Он стоял, улыбался, как безумец, и говорил о хаосе. Я понял его не до конца, но ясно почувствовал истину в его словах. Я бы встретился ещё с ним. Я бы убил его, — Клинт замолчал.

Деон внимательно слушал рыцаря. Что он за человек такой? Загадка Хартмана была очаровательна. Но что может быть очаровательнее личности, что стала загадкой для загадки? Это новый уровень. Вряд ли Деон когда-нибудь встретит Человека, но для начала стоит узнать Клинта Хартмана.

— И, — спустя недолгую паузу подал голос монах, — почему он вас искал?

— Мне это неизвестно.

— Вы сейчас ищите Его?

— Нет.

— А что же?

— Я, кажется, ясно выразился — мне нужен свиток, — отрезал рыцарь.

— Полагаю бесполезно спрашивать, что т...

— Да! — прервал его Клинт.

Разговор был окончен. Тихая трапеза селяком удовлетворила желудок Деона, и он практически сразу уснул. Он не привык спать на траве, но дорога так вымотала, что под стрекотание сверчков уснул он легко и быстро.

Ночь была темна и звёздна. Хартман сидел перед тлеющим костром и точил свою рапиру. Он не торопился спать, даже не хотел. Его уже долгое время мучили кошмары. Вспоминая их, он отвергал всякую мысль о сне. Мешки под его глазами опускались всё ниже, восприятие стало заторможенным. Он не хотел сейчас, не здесь, не в чистом поле. Тут опасно, а если он уснёт, то, как минимум, на десяток часов. Он бы убил себя, лишь бы не видеть сны, но для смерти было рано, считал он.

— Нет-нет-нет... — шептал он, заваливаясь набок.

— Смотри внимательно, Клинт, смотри внимательно, — повторял ему дедушка.

Они сидели в дальней комнате их низенького дома, — худой подросток и сгорбленный старик. Окна закрыты, — свет проникал внутрь сквозь щёлки в стене. Снаружи был кагал и хаос. Звуки эти очень пугали, когда подросток представлял их причины. Дедушка, наклонившись к Клинту и строго подняв палец, говорил:

— Сиди тихо. Я выйду и вернусь. Всё хорошо будет. Слышишь? Понял?

Клинт кивнул. Он был достаточно взрослым, чтобы понять, что происходит, но недостаточно взрослым, чтобы поверить. Глаза его чуть намокли, и он поминутно вытирал их грязным рукавом.

— Вот, надень.

Дед снял с головы меховую шапку со свисающими ушами и надел на рыжую голову парнишки. Размер был, конечно, не тот, и шапка упала Клинту на глаза. Старик выпрямился и пошёл к выходу. На каждый шаг его доски отзывались скрипом, усиливающимся с каждым разом. Последний скрип был дверной.

— Эй! Ʋpfficeḡe! [Офицер!] — старик говорил на каком-то другом языке. К тому же из-за ветра, из-за всеобщего шума мальчик не мог расслышать всю его ломаную речь. — Ʋpfficeḡe!

— Qıttā zē veḡeḡ vōs? [Ты что за старик?] — спросил капитан с жёлтым погоном.

Зелёные мундиры сгрудились вокруг него, молча посмеиваясь над стариком. Тот со страхом поглядел на них, на их блестящие револьверы, на их заряженные карабины и вновь обратился к офицеру.

— Deḡ Ʋpfficeḡe, iḡ qsqḡ, iḡe eḡfiliḡs... ḡæḡize ḡaḡe! [Господин офицер, я прошу, мой внук... отпустите его!] — он умоляюще вскинул руки к капитану.

Тот обернулся к своим подчинённым. Прозвучала фраза на другом незнакомом языке. Следующими Клинт услышал выстрелы. Пули перебили старику колени, уронив бедолагу. Мальчик вздрогнул. Две пары тяжёлых сапог загрели по полу от двери. Клинт только и успел, что кинуться к зашторенному окну, как почувствовал взрослую руку на своём плече. Прозвучал голос, — слов он не мог разобрать, но тон был угрожающим и насмехающимся. Два солдата взяли мальчика за руки и выкинули на улицу, на холодный снег. Там же был старик. Захлёбывающийся в слезах, он повернул голову к внуку.

— Клинт! Ты должен бежать от них, Клинт!

— Qıttā zē ḡaḡ ḡḡḡa? [Что он говорит?] — спросил капитан.

Один из солдат помотал головой, давая понять, что не знает. Капитан пожал плечами и сказал на неизвестном языке:

— Тогда неважно.

— Скорее, Клинт! — не утихал старик. — Не слушай их, никого не слушай, — беги!

— Niḡe! [Тихо], — офицер выхватил пистолет и спустил курок.

— А?.. — напуганный донельзя ребёнок не сразу понял, что произошло. Когда седовласая голова коснулась снега, он закричал.

Не заплакал — закричал. Его дедушка теперь лежал мёртвый, убитый ни за что. Но плакать перед лицом врага Клинт не мог. Он вскочил, но тут же сильная рука вдавила его лицом обратно в снег.

— А он нужен? — спросил солдат.

— Ну... — офицер задумчиво почесал свои роскошные усы. — Я правда не хочу убивать ребёнка. Неправильно это.

— Вставай, малёк! — солдат взял мальчика за шиворот и дёрнул вверх, ставя на ноги. — Пойдёшь с нами.

Клинт уставился в землю. Белый снег был кое-где окроплён кровью. Эта кровь текла и в его жилах. Сколько ему ждать, чтобы ещё и ему продырявили голову? «Я не буду ждать! Я сделаю это сам!»

Он звериным взглядом посмотрел в лицо офицеру, который уже и забыл о мальчике. Он развернулся и пошёл убивать дальше. Он жил этим, убивая людей. А эти солдаты вокруг него... Они такие же жестокие? Клинту не верилось. Однако жестокость они знают только с одной стороны. «Им неведома моя жестокость! Как и мне... Ну сейчас и узнаем!!!»

В ослабевшем солдатском захвате на его плече, Клинт дёрнулся. Его маленькие ручонки схватили пистолет из кобуры. Направляя револьвер двумя руками, он со всей силы нажал на спуск. Солдат не успел среагировать. С округлой раной в груди он свалился на землю, а мальчик уже стрелял во второго.

С ужасом уставившись на ствол, направленный на него, молодой солдат закрылся руками и проговорил со слезами в голосе:

— С-стой! Я не хотел этого! Я не собирался трогать тебя... старика!!! Это не я!

— Сдохни! — одновременно с выстрелом крикнул Клинт.

Он повернулся к ненавистному офицеру. «Умри-умри-умри!» Что-то толкнуло Клинта прямо в плечо, и ноги его подкосились.

— Я же не хотел тебя убивать, мелкий ублюдок, — офицер взводил курок для второго выстрела. Он был уже далеко, потому и промахнулся. Только теперь он целился спокойно и медленно.

Клинт, не чувствуя боли, яростно закричал и ударил по курку револьвера. Ещё раз и ещё! Он зажмурил глаза, готовясь принять свою смерть. Однако та не спешила. Раскрыв глаза, он увидел офицера с пустующей рукой. Из рваной раны на месте двух пальцев водопадом текла кровь, а сам он с раскрытым ртом уставился на ладонь, видимо, стараясь всё ещё нажать спусковой крючок.

Мальчик кинул пистолет в сторону и побежал. Перепрыгнул через извивающегося от боли солдата и кинулся прочь за ограду. Деревня оставалась позади, а он бежал по белой

пустоте. Метель била в лицо ледяными колючками, а Клинт, сбивший дыхание, волочил ноги по снегу.

— Боль-но, боль... больно... — шептал он.

Из плеча тем временем хлестала кровь, обжигая замёрзшее тело. В голове у Клинта необъяснимо громко гудело так, что он даже не слышал собственных мыслей. Не знал куда идти. Уже и не мог идти. Ватные конечности не держали больше, и мальчик упал в глубокий снег.

— Боль-но...

Теперь ему было легче. Он мог отдохнуть от всего. Заснуть и посмотреть сны... в которых ещё, наверное, жив дедушка, — жива справедливость.

Когда последние мгновения сознания вот-вот покинули бы Клинта, он почувствовал лёгкую вибрацию. Кто-то подошёл. Конь. А сверху — было не видно — тень какого-то человека.

— Боль-но... — Клинт уснул, надеясь никогда не проснуться в этом мире.

Глава V

Когда он открыл глаза, увидел, что у постели сидит Ллойд. С каждым его приездом он всё больше изменялся в лице. Ещё менее в нём узнавался тот весёлый старший брат, что заменял Эрику отца большую часть времени. Он возмужал. Тело его стало крепче и шире. Лицо покрылось толстой щетиной — такой же золотистой, как волосы. Кожа огрубела, появилось множество мозолей на руках. Одежда пропахла порохом. Но его глаза, его зелёные глаза всё ещё улыбались. Иногда только по ним можно было узнать доброго, родного, всегда понимающего его брата.

— Привет, Эрик, — он добродушно потрепал его по голове. — Что снилось?

— Н-н... — Эрику внезапно трудно стало говорить. Вместе с сознанием к нему пришла боль, — левый бок ужасно ныл, будто его надели на раскалённый штырь. — Н-ничего.

— Ну ты молодец, скажу я тебе! Прошёл обряд посвящения! Держись молодцом, — он улыбнулся пожелтевшими зубами. — За что воевал-то? За родину, надеюсь?

— Н-не совсем.

Память Эрика начала восстанавливаться. Элиза. Дуэль с Декстером. Потеря решимости. И боль сразу вернулась. Не та, что от раны. Хотя это тоже можно было назвать раной — душевным шрамом. И он рассказал всё брату. Мог рассказать только ему. У каждого человека должен быть собеседник. Неважно даже, поймёт он или нет. Главное, чтобы выслушал. Ллойд был лучше. Он выслушал, понял и ответил.

— Ясно. Мне жаль, что так получилось. Знаешь, могу тебе предложить кое-что. У всех нас бывают падения. Чтобы от них оправиться, нужно... сменить обстановку, попробовать что-нибудь новое.

— Что ты имеешь ввиду? — Эрик повернул голову набок и с интересом посмотрел на брата.

— Я бы предложил тебе одну вещь, пока я здесь. Иди в армию. Возраст у тебя подходящий. Там платят исправно, да и войн сейчас нету почти. Только на островах... Пообщаешься с разными людьми. Остепенишься.

— Ты серьёзно? — Эрик фыркнул. — Там же одни тупицы, которые ничего не умеют.

— Знаешь, я тоже так думал. Но оказывается — нет. Представь себе — там много людей, которые правда хорошо разбираются не только в искусстве убивать. Хотя неправильно. Извини. В армии не убивают. Армия страну защищает. Подумай о стране, подумай, что ты можешь для неё сделать!

— Я подумаю.

Эрик всегда прислушивался к брату. Ллойд был человеком опытным. Любой его совет шёл на пользу, если не в тот же момент, то в будущем. И Ллойд всё делал на благо семьи. Он был самым честным человеком, которого Эрик знал.

— Подумай. А я пойду, скажу матери, что ты очнулся, — Ллойд встал и собрался уже уйти.

— Слушай... — Эрик остановил его. — ...Ты не знаешь, как там Декстер?

— Кто? — не понял Ллойд.

— Ну...

— Тот, кто тебя подстрелил!

— Надеюсь, ты не врезал ему? — немного волнуясь, спросил Эрик.

— Что? Ха-ха-ха! Нет! Гражданских не бью. Я их защищаю всё-таки, — ответил Ллойд.

— Так как он?

— Не знаю. Когда я прибежал к вам, он был напуган.

Эрик промолчал.

Он провёл недели две дома. Пуля прошла навывлет, органы не задела. Мать постоянно вертелась возле него, ухаживала и стала очень нервной. Особенно это касалось Ллойда, которого она заставила выкинуть в реку его старый Кольт-Уолкер, дабы тот не валялся дома. Старший брат же на всё время лечения Эрика оставался с семьёй. Он отправил письмо в часть и продлил увольнение. Эрик был очень рад компании брата и не мог наговориться с ним о всяком. На пятнадцатый день Ллойд приволок домой дорогого пива. Вместе братья выпили по четыре бутылки пенного и отправились гулять в лес. Вернулись поздно ночью с убитым селяком наперевес. Селяк был зажарен и съеден в семейном кругу. Как раз за столом Эрик решил окончательно — он едет.

Через два дня Эрик собрался. Ему не надо было многого. Ллойд сказал, что знает часть, где его точно возьмут, и где всё тихо, как на дне моря. Мать с трудом сдерживала слёзы, ведь теперь оба сына покидали её. Чёрногривому тоже было грустно, правда он старался не подавать вида, — рыл землю копытом, фыркал и почти не брал еду.

Рано утром они с Ллойдом покинули деревню. Стоя на самом краю, они смотрели, как медленно встаёт солнце, освещая постепенно родные крыши, что не увидят они ещё долго. Эрик взглянул на свою любимую, самую высокую. Он увидел окно — то самое, у которого всегда рисовала Элиза. Только её сейчас не было там. «Лучше не забивать себе голову этим, — подумал Эрик. — Как раз, чтобы освободить мысли, я и уезжаю. Пора забыть».

Три года назад, когда северо-восточные окраины Кодиматриса накрыло непривычно толстым снежным покровом, Пекатум похолодел, но сердца его жителей были всё так же теплы. Эрика не пугали сильные морозы, — дома он жаждал свободы, а как только вырывался наружу, хотел ещё чего-то большего. Он не понимал это, но пытался всячески унять душевные порывы. Чистый сердцем и умом, невинный мальчик искал приключений в любой мелочи и находил вдохновение в любой мысли. На обочине дороги навален огромный сугроб, — разумеется, Эрик

возомнит себя скалолазом, забравшись наверх, чтобы тут же рухнуть вниз, в снежную толщу. Изгородь покрылась зубастым слоем сосулек, — конечно, он представит их себе оружейным арсеналом и постарается поскорее проверить остроту меча на мимо проходящем сверстнике. Убегая изо всех сил от получившего по голове ледышкой Сэма, Эрик нёсся к полю, которое во все времена года могло утаить его от чужих глаз. После двух шагов, тело мальчика потонуло в снежной толще. Белое одеяло накрыло его с головой. Выпуская пар перед лицом, он замер, прислушиваясь к отдалённому хрусту снега. Он снова один, и это радостно. Конечно, юное сердце хотело бы чувствовать Её рядом, однако Элиза недолюбливала не только знойную жару, но и сильный холод, — она оставалась дома, чтобы долго-долго рисовать снегопад перед окном. Эрик знал: в такие моменты её лучше не тревожить. Именно поэтому в эти Морозы ему было суждено проводить большую часть времени с игривым уличным ветром. Но чем больше он чем-то упивался, тем более ему хотелось попробовать что-то новое. Дни вереницей шли из года в год, и каждый новый казался скучнее предыдущего, если был хоть немного похож.

Эрик помнил, как ещё раньше отец оставался на Морозы дома. Мальчику тогда не разрешали слоняться по улице одному. Он лежал у печи, что тужилась изо всех сил, источала жар, но даже так не могла прогреть весь дом. Место недалеко от заслонки было у Эрика любимым. И порой уставший отец тоже приходил туда и садился рядом. Тогда сынишка, такой счастливый от каждой секунды времяпрепровождения с отцом, просил купца что-нибудь рассказать. И тот рассказывал. Отец был хорошим рассказчиком, — его истории никогда не повторялись. Каждая новая была интереснее и познавательнее предыдущей. И на всю жизнь Эрик запомнил историю про далёкий северный континент.

Когда сын спросил его, где бы отец хотел побывать больше всего, тот сильно задумался, а потом сказал слово совсем не знакомое ребёнку. «Фригус». По словам отца, это далёкая земля, которая лежит на другой стороне Инсмутского океана. Он даже сказал, сколько морских миль плыть дотуда, но мальчик был ещё слишком мал, чтобы запоминать такие большие числа. Этот континент намного меньше, чем Риверланд, где располагаются Кодиматрис и Нортфорт, однако там тоже живут люди. Они не впутываются в войны, они не захватывают чужие земли. Они мирно существуют, развиваясь независимо от остальных. Климат Фригуса, ещё более суровый, чем в Нортфорте, закаляет тамошних людей. Они сильны и телом, и разумом. Наверняка, худший человек Фригуса не так зол и беспощаден, нежели

вместе взятые плохие люди Риверланда.

Сто пятьдесят лет назад их корабли прибыли к северным границам Кодиматриса. Чужеземные люди не хотели воевать или наживаться на этих землях. Они даже не подозревали о существовании огромного Риверланда. Но удивительнее всего был тот факт, что они переплыли весь океан. Их флот выглядел куда лучше имперских кораблей того времени. Их технологии явно превосходили и до сих пор превосходят технологии в Риверланде. Только встретив кодиматрисцев, они начали пытаться понять их язык. Они смогли адаптировать под себя и улучшить существовавший тогда альтиор. Фригуские мореплаватели предложили местным свои товары: самоцветы, шкуры иноземных животных, а также зёрна неизвестного металла, который моряки называли «платинум». Не обошлось и без книг на непонятном языке, в которых кодиматрисцам оставалось только рассматривать картинки.

И вслушиваясь в истории отца, Эрик сам всё сильнее и сильнее желал когда-нибудь сесть на корабль и доплыть до далёкого Фригуса, встретить его добрых жителей и подняться на его высокие горы, чтобы увидеть весь океан от одного горизонта до другого. Он не мог дождаться, когда же он вырастет, чтобы пойти во флот. Однако он не мог догадываться, что через пару лет он уже и не будет помнить о своей мечте. Он отдалится от отца, станет больше времени проводить с братом, а ещё больше с Элизой. Но сейчас он был мал, как и всегда до этого. Воображая вокруг себя бескрайний Инсмутский океан, Эрик резко выпрыгнул из-под снежного покрывала, разбрасывая хлопья по сторонам. Блондин оглянулся к пшеничному полю и побежал вперёд, подальше от города. Чем быстрее он бежал, чем сильнее он уставал, тем больше он чувствовал: жизнь кипела в маленьком теле, словно лава в вулкане. Он сам не заметил, как покинул поле, — всё вокруг было белое-белое. И не успел он оглянуться, как вдруг нога зависла в воздухе, и, не найдя, куда наступить, мальчик покатился вниз по снежному склону. Как только

Эрик остановился, с весёлым смехом он снова встал и принялся отряхивать от снега лицо.

— Ого! Фригусские горы! — воскликнул он, говоря с самим собой. — Мы приплыли!

Прокричав воинственное «ура», он попытался бегом взобраться на холм обратно, но почти сразу поскользнулся и упал вниз. Героически шмыгнув носом, Эрик стал обходить возвышение сбоку. С севера резко подул сильный ветер. Морозный воздух

колол мальчику нос и просачивался сквозь одежду. Поспешно надев варежки, Эрик стал бегом огибать склон, пока не поднялся на него, на этот раз не сорвавшись вниз. Ветер и не думал ослабевать. Он гнул деревья, сдувал с них снег, а мальчика едва не сбивал с ног. Взглянув на небо, Эрик увидел, как быстро стали двигаться облака, будто живые.

— Ветер... — с благоговением произнёс он и, поддавшись стихии, свалился на спину, продолжая наблюдать за небом.

Свист ветра заставлял мальчика входить в полутранс. Он забывал все свои мысли, все чувства, сосредотачивая внимание исключительно на небе. Волшебная картина дарила ему невиданное наслаждение. Маленький блондин не мог объяснить себе, почему вид маленьких облаков, бегущих прочь от сильнейшего ветра дарит ему такие эмоции. Ему даже показалось, что воздух стал тёплым, что снег стал подтаивать от его радости. Белые странники стали меняться, извиваясь змеями и превращаясь в дивные спирали. Эрик почувствовал небывалую лёгкость в теле. Он думал, что прямо сейчас сможет воспарить к небу и увидеть Пекатум, поля, Кодиматрис и весь мир так, как видят его птицы. Мальчик так хотел увидеть всё. Элиза иногда говорила ему, что нельзя увидеть всё, а если и можно, то можно разочароваться в мире. А Эрик не боялся разочарования. Разве имеют значение разочарование или восхищение перед лицом всеобщего знания? Разве это не смысл жизни — познать её от края до края и понять своё место в бесконечности? Как хорошо ему было в те дни, когда он мечтал. И казалось, всё это останется мечтами. А он был и не против...

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>